

Для тех, кто, читая, выискивает ошибки

Я решила ввести новую пунктуацию. После точки с запятой у меня иногда будут заглавные буквы, как в предложении: У зависимости есть удивительное свойство; Она либо разрушается сама, либо разрушает человека, впавшего в неё, либо – отношения. Перед «Она» я не поставила точку, поскольку мысль не завершена. Точка с запятой идеально отражает эту незавершённость. По правилам русского языка слово «Она» после точки с запятой должно быть написано с маленькой буквы. Но глазам

читателя проще сделать постановку не на маленькой букве, а на большой. Поэтому я ввожу новое правило, действующее в моей книге. Два предложения могут быть разделены точкой с запятой, если автор считает это оправданным.

Авторский отказ от знака препинания

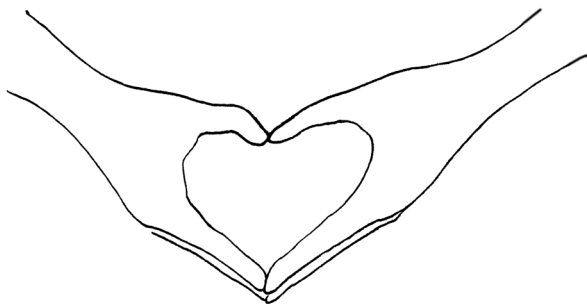
Поскольку иногда «закавыченные» слова и предложения утомляют, автор имеет полное право отказаться от кавычек не только в стихах, но и в прозе. Назовём это авторским отказом от знака препинания. Кое-кто этот отказ уже заметил. Если есть авторские знаки, то возможен и авторский отказ от них.

Минное поле

Всемогущий, ты выдумал пару рук,
сделал, что у каждого есть голова, –
отчего ты не выдумал, чтоб было без мук
целовать, целовать, целовать?!

В. Маяковский

О минному полю любви я дошла
до его центра, оставшись невредимой. Так,
лёгкие контузии. Повезло. По всему полю
стоят небольшие таблички. На них – име-
на тех, кто ошибся всего лишь на один шаг.

Вот табличка из кованой бронзы с завитками. Половину её оторвало взрывом. На ней когда-то было два имени, но теперь осталось одно: Эль. Почему-то оно запомнилось мне больше остальных. Непонятно: мужское оно или женское? И, вообще: имя это или чьё-то ласковое прозвище?

К некоторым табличкам ленточками привязаны записки. Одну записку оторвал ветер и бросил к моим ногам: «Мы были с тобою близки как пальцы одной руки... Ты до сих пор ещё бороздишь моё небо!»

На другой табличке имя стёрлось, но надпись под именем уцелела. Видимо, она была выгравирована позже: «Из сорванных тобой лепестков я соберусь в венец. Мне не нужны проценты твоего сердца! Мне нужен капитал».

Ещё одна табличка – из цельной жемчужины, не успевшей потускнеть; В жемчужине прорезь со вставленной туда открыткой: «Ты – моя ти-

шина, моё доброе утро, крошка! Ты – моя непохожесть».

«Мой золотой орешек, как жаль, что я выронил тебя, когда бежал через лес...».

«Я скучаю по твоей ласке, любимая! Я как пёс: неделя расставания с хозяйкой для меня – словно год».

«Эдмон, ты был единственным, кто бережно относился к моей душе и никогда не входил без стука».

«Александр, мне нужен не рок, а счастье, поэтому я ухожу».

«Всё мелко! Я устала от мелкости! Где найти такой кокос, чтобы мне в нём искупаться?».

«Я не требовала объяснений и завтракала компромиссами, говорила обидные слова. Что ж! Раненая женщина может растеряться! Я прощаю Себя, прощаю Тебя».

«При мысли об одних людях испытываешь тревогу в сердце. Когда думаешь о других – болит голова, а некоторые вызывают волнение в особых чакрах. На тебя же у меня реагировало всё, дорогая!».

«Диковина из янтаря и панциря! Я в тебе запутался!».

«Ли, человек всегда теряет то, за что он не был благодарен».

«Жаклин, ты самая желанная, долгожданная моя, единственная девочка. Только ты».

«Моей Дуду», – написано красными чернилами на свежей сосновой дощечке, укреплённой на краю воронки, оставшейся от взрыва мины. «Моей Дуду...»

4 января 2008 г.

Она

Не говори мне про неё:

Она –

как тонкий, слабый стебель.

И даже если мы вдвоём,

Она

не есть постель!

Она

закончится как раз

В той точке, где промолвлю: «Да!»

На землю выльется из глаз,

Как в засуху – вода.

Она

придёт ко мне в ночи,

Чтоб в сердце жарко целовать,

Придёт – кричи или шепчи,

Когда устала ждать.

Она

к запнувшимся ногам

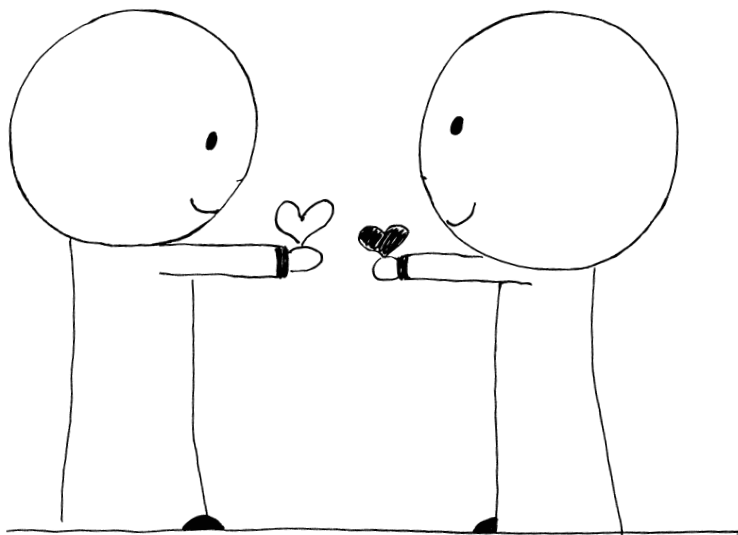
Привяжет стайку резвых птиц

И станет музыкой к стихам,

И бархатом ресниц!

Она

умрёт, когда о ней
Начнут вам много щебетать;
Наверно, было бы честней
Её раздать.

9 февраля 2005 г.

Экстренная помощь

Просто читайте – вам станет легче.

Пуще всего хранимого храни сердце
твоё, ибо из него источники жизни.

Книга

Лежу. Сохну. Ногти
накрашены. Ты не идёшь.

Грэйс

Конечно, тебе тяжело, дорогой человек. И я понимаю твою боль, я сострадаю тебе и мысленно обнимаю тебя, передавая тебе частицу своего тепла. Мне хочется согреть тебя, и я очень-очень хочу, чтобы тебе стало легче. Я знаю, что ты болеешь, что у тебя изранена душа и, возможно, тебе совсем не хочется жить. Ничто не радует... Тебе

не хочется смотреть фильмы, читать книги. Ты не можешь работать, руки опускаются. Ни на какую учёбу нет сил! Окружающие раздражают без повода, и ты срываешься на людях. Возможно, тебе настолько плохо, что ты побывал у психотерапевта или даже принимаешь антидепрессанты, от которых боль

души, конечно же, не проходит и не притупляется. Появляются только тяжесть во всём теле и тошнота! Тебе обидно и горько, ты не понимаешь, как всё это могло приключиться с тобой. Ты живёшь прошлым, тебя душат слёзы и ты задыхаешься от депрессии. Ты не спишь по ночам; В груди – словно раскалённый свинец. Ты казнишь себя за ошибки и придумываешь план за планом – как всё изменить. Ничего хорошего из этого не получается и ты только глубже чувствуешь унижение и предательство. Это похоже на синдром отмены. Ты расстался с любимым человеком.

(...)

нередко думаю о том, что случись атомная война или любая другая катастрофа, ведущая к неминуемой гибели, ведь первое

и, конечно, последнее, что мы будем делать, — это звонить близким! В последнем порыве откровения мы скажем им в трубку телефона слова любви. Захочется позвонить каждому, кто когда-то дарил нам своё тепло, кого мы любили хотя бы непродолжительное время! В таком воображаемом эксперименте главные ценности выстраиваются в безупречной последовательности. В минуты приближения смерти мы готовы отчаянно любить всех, кому недостаточно дали внимания и участия. Но только в минуты приближения смерти!

Когда человек лежит, парализованный, на постели, он, если обладает духовностью, сутками размышляет о том, как надо было жить *до* болезни. Ах, если бы он знал! Если бы только он мог предположить, что болезнь заставит его слечь в постель! Он жил бы совершенно иначе... Или это только так кажется? Почему мы сразу не живём «иначе»? Почему начинаем ценить лишь то, что утратили и с чем разлучены?